

Л. П. Лашук

ОПЫТ ТИПОЛОГИИ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК И МОНГОЛОВ

Проблеме формирования конкретных этнических общностей средневековых тюрок и монголов Азиатской части нашей страны посвящены многочисленные исследования, итоги которых обобщены, например, в соответствующих разделах фундаментального издания Института этнографии АН СССР «Народы Средней Азии и Казахстана». Это значительно облегчает постановку основного вопроса статьи, состоящего в попытке определить специфические формы (исторические типы) этнической общности, которые были свойственны азиатскому населению с большим или меньшим удельным весом скотоводческого хозяйства в период исторического развития от общинно-родового строя к классовому обществу феодальной формации. Данный период в истории тюрок и монголов отличался целым рядом своеобразных особенностей социально-экономической структуры¹, в частности наличием довольно сложных родо-племенных делений, пережитки которых (правда, в совершенно трансформированном виде) дожили до начала текущего столетия.

В этой связи в науке высказывалось мнение о том, что на всем протяжении средневековья азиатские скотоводы не знали будто бы иного типа этнической группировки, кроме архаического племени и племенного союза. Проводилась и такая мысль, что некоторые народы Средней Азии, например туркмены, не позднее XIII в. перешли от состояния некоего социально-этнического единства к разветвленной системе племенных делений². В свете новейших публикаций по социальной и этнической истории народов Средней Азии эти взгляды вряд ли встретят поддержку специалистов. Поэтому сосредоточим внимание на современной трактовке проблемы формирования указанных народов в качестве «народностей» как особого исторического типа этнической общности.

Этот вопрос приобретает особый интерес в связи с начавшейся на страницах «Советской этнографии» дискуссией по определению видового понятия этнической общности и ее конкретно-исторических моделей³, среди которых обычно выделяется и народность. Но, как справедливо заметил С. А. Токарев, именно «народности» в социологической литературе придается наиболее условное, исторически схематическое и весьма

¹ Подробнее см.: Л. П. Лашук, О характере классовообразования в обществах ранних кочевников, «Вопросы истории», 1967, № 7.

² С. П. Поляков, Средневековые погребения Северо-Западной Туркмении (к проблеме этнической истории туркмен), Автореферат канд. дисс., М., 1966, стр. 13.

³ См. В. И. Козлов, О понятии этнической общности, «Сов. этнография», 1967, № 2; Н. Н. Чебоксаров, Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых, «Сов. этнография», 1967, № 4.

растяжимое содержание⁴. Не преодолели этого недостатка и этнографы. Так, в одном издании читаем, что возникновение народностей в эпоху раннеклассовых формаций было вызвано социально-экономическим процессом — «развитием производительных сил общества, появлением частной собственности, распадом первобытнообщинных отношений и заменой прежних племенных, кровнородственных связей — связями территориальными»⁵. Все это, конечно, правильно, но лишь в самом общем выражении. Отсутствие развернутой характеристики специфического процесса становления народности неизбежно приводит к расплывчатому выводу: «...по существу часто отсутствует резкая граница между нацией и народностью, народностью и группой племен»⁶.

Если это так, то зачем же социологам и этнографам выделять народность как особую историческую категорию? Оказывается, такая категория (независимо от ее наименования) нам необходима, но отнюдь не в том упрощенном понимании, что крушение общинно-родового строя автоматически и непосредственно приводит к возникновению народности — того довольно сложного, по нашему мнению, типа преднациональной этнической общности, которую можно наблюдать в развитом феодальном обществе⁷. Хочется обратить внимание этнографов на принципиально важное значение раскрытия так называемых «органических связей», которые, по убеждению автора, как раз и составляют главное содержание (структурный костяк) любого типа этнической общности определенной исторической эпохи.

Положим, мало сказать, что народность складывается из нескольких родственных (а также и неродственных) племен, между которыми устанавливается «некоторая экономическая и культурная общность и распространяется общее самосознание членов народности»⁸. Такая этногеографическая и хозяйственно-культурная целостность большей или меньшей массы людей возникает не сама по себе, а достигается путем длительного взаимодействия различных социальных сил, объективно стремящихся к тесному контакту и устойчивому равновесию, а поэтому и создающих «отдельные» социально-этнические организмы⁹. В качестве таких сил выступают и вполне определенное тяготение друг к другу людей одного языка и образа жизни, поддержанное растущим самосознанием принадлежности к формирующейся этнической общности; и их взаимные «гражданские» интересы, которые неизменно расширяются и крепнут по мере роста общественного разделения труда, экономических связей, культурного взаимообмена на достаточно широкой территории; и, наконец, централизующая деятельность политической власти, стремящейся к созданию государственной системы, обнимающей и стягивающей воедино обособленные ранее территориально-племенные и чисто «земляческие» группировки населения данной страны.

Все это вместе взятое, придя в состояние длительного равновесия и гармонического развития, создает более или менее устойчивую совокупность органических связей, поддерживающих структурно и обрамляющих пространственно конкретную этническую общность, в частности этнографически ясно зримую народность феодальной эпохи. И если мы

⁴ С. А. Токарев, Проблема типов этнических общностей, «Вопросы философии», 1964, № 11.

⁵ «Численность и расселение народов мира», М., 1962, стр. 29.

⁶ Там же.

⁷ Л. П. Лашук, О формах донациональных этнических связей, «Вопросы истории», 1967, № 4.

⁸ «Численность и расселение народов мира», стр. 30.

⁹ См. Ю. И. Семенов, Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки, «Вопросы истории», 1966, № 8.

пойдем по пути конкретного выявления специфики органических связей, пронизывающих и оформляющих народность, то, очевидно, заметим разницу между союзом племен, народностью и нацией. Вопрос этот требует углубленных исследований по многим народам. Однако и сейчас уже ясно, что переход от очень прочных и одновременно узких родоплеменных связей к более широким, но структурно до известной степени расплывчатым органическим связям народности совершался на протяжении довольно длительного времени. Процесс оформления крупных социально-политических организмов («варварских» и более высокого типа государств с их уделами и отдельными «землями») сплошь и рядом опережал процесс этнического сплочения в народности населения, размещенного на территориях этих государственных образований (которые, впрочем, могли как быстро возникать, так быстро угасать и разрушаться). Между племенной этнической общностью и народностью как принципиально новой этнической моделью развитого классового общества угадываются формы, представляющие собой исторический переход от первой ко второй.

В свете вышеизложенного мы и попытаемся произвести опыт конкретно-исторической типологии этнических общностей преимущественно скотоводческого населения степной зоны советской Азии, опираясь при этом на показания средневековых письменных источников. Последние, как известно, не отличаются особенной ясностью в интересующем нас аспекте, но все-таки отражают представления людей той эпохи, когда закладывались основы существующих ныне этнических массивов.

Средневековым писателям Востока были свойственны взгляды на возникновение различных народов исключительно путем их отпочкования от древнего «генеалогического древа», от семени легендарного «протца». Содержание процесса этногонии Рашид-ад-Дин изобразил в следующих словах: «С течением времени эти (первоначальные.— Л. Л.) народы разделились на многочисленные роды, [да и] во всякую эпоху из каждого подразделения возникали [новые] подразделения и каждое по определенной причине и поводу получило свое имя и прозвище»¹⁰. Исходя из генеалогического принципа, средневековые писатели стремились очертить тот круг этнических группировок, члены каждой из которых по традиции считались состоящими в близком родстве. Так, например, были выделены тюрки, монголы (моголы), «таты» — ираноязычное население Средней и Передней Азии.

Но даже ранним авторам каждый из этих этнических миров не представлялся однородной массой. По книге Ибн Хордадбега (IX в.), «Туркестан и тюрки делятся на несколько народностей (в подлиннике для обозначения этого понятия употреблено довольно расплывчатое арабское слово «джинс», собственно «вид, сорт». — Л. Л.) и несколько государств, в том числе карлуки, токузогузы, тюргеши, кимаки и гузы»¹¹. Фактически этот автор обрисовал западнотюркскую (огузо-карлуко-кыпчакскую) группу племен, в его времена уже дифференцированную на огузо-кыпчакскую и карлукскую ветви¹². Этнолингвистического размежевания тюркоязычного населения Средней Азии не мог не заметить Рашид-ад-Дин, специально подчеркнувший, что «хотя внешний вид, наречия и говоры [тюрков] близки друг другу, однако сообразно различию характера и естественных свойств климата каждой [занимаемой

¹⁰ Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. I, М.—Л., 1952, стр. 74.

¹¹ «Материалы по истории туркмен и Туркмении» (далее МИТ), т. I, М.—Л., 1939, стр. 149.

¹² Н. А. Баскаков, Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков, М., 1964, стр. 1, 3.

ими] области, во внешнем облике и в наречии каждого тюркского народа наблюдаются небольшие основные различия»¹³.

То, что древние тюрки никогда не составляли единого «пранарода», советским этнографам совершенно ясно. Но как этнически квалифицировать средневековых огузов, кыпчаков, карлуков, по отношению к которым ал-Масуди (X в.) применяет термин *анва* (букв. «разновидности, сорта») ¹⁴, в смысловом переводе «отдельные общности»? Есть ли у нас основания считать каждую из этих группировок если не сложившейся полностью, то стоящей на пути к этому народностью? Таких оснований нет, и вот по какой причине. Тот же Масуди прямо писал о неоднородности гузов: «Это племя из тюрков, оно [делится] на три группы: нижние [гузы], верхние и средние», а персидский аноним X в. добавляет, что гузские племена (кабиле) постоянно враждуют друг с другом ¹⁵. Еще отчетливее показания Махмуда Кашгарского, понимавшего под огузами («туркменами») целую совокупность отдельных племен с особыми названиями и этническим «самоопределением» ¹⁶. В свою очередь, Рашид-ад-Дин, объясняя происхождение этнонима «туркмен» от понятия «тюркоподобный», акцентировал внимание на том, что, во-первых, «туркмены» очень разнообразны, хотя, кажется, и близки друг другу по языку и происхождению («они же разделяются на кипчаков, калачей, канлы'ев, карлуков и другие относящиеся к ним племена...»), а, во-вторых, «и ныне каждое из этих племен и ветвей знает свой корень и ветвь, т. е. из какого они народа» ¹⁷, фактически, к какому отдельному племени они принадлежат.

С подобным явлением, когда известно обобщающее этническое имя, обычно данное соседями целой группе родственных, но отдельных племен (социально-этнических организмов), историки сталкиваются постоянно, работая над античными и средневековыми источниками ¹⁸. При этом внимательному взгляду исследователя открывается та истина, что за обобщающими именами типа «туркмены», «таты» и т. д. стоят не консолидированные даже мало-мальски народности, а конгломераты или союзы родственных племен. Самое подходящее научное наименование для таких массивов племен — «этнолингвистическая группа», основным признаком которой является родство составляющих ее племен по происхождению и языку, но обнаруживается это родство в самом общем плане (например, в генеалогической традиции), а не в узком смысле свойственного отдельному племени единства «крови и имени», отчетливо осознаваемого соплеменниками — членами данной локальной общности.

Поэтому, если мы хотим определить те исторические модели, в которые облекались «отдельные» этнические общности средневековых тюрков и монголов, то должны обратить внимание на самостоятельные компоненты упомянутых выше этнолингвистических группировок. Любой из этих компонентов (отдельных племенных объединений) предстает перед нами как бы в «трех измерениях»: по терминологии древнеримских писателей, как *gens* — генетическая величина (люди, объединенные единством «крови и имени»), *populus* — народ одного языка (этническая общ-

¹³ Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. I, стр. 75.

¹⁴ МИТТ, стр. 167.

¹⁵ Там же, стр. 166, 211. Любопытно филологическое наблюдение А. П. Ковалевского, что арабские писатели X в. называли кочевое племя преимущественно термином «кабиле» («Чуваши и булгары, по данным Ахмеда ибн-Фадлана», Чебоксары, 1954, стр. 36).

¹⁶ Там же, стр. 309—312.

¹⁷ Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. I, стр. 75, 85—86.

¹⁸ Л. П. Лашук, О формах донациональных этнических связей, стр. 79.

ность), *civitas* — «гражданское» сообщество (социально-политический организм)¹⁹.

Строго говоря, этнолингвистическая группа не отвечает этим типическим признакам отдельной этнической общности эпохи становления раннеклассового общества, так как она рисуется совокупностью генетических единиц разного «корня и ветви», разных племенных языков и диалектов, разных «гражданских общин» — племен. И, напротив, отмеченные признаки сразу же обнаруживаются и как бы охватываются, если, к примеру, мы выделим из состава среднеазиатских огузов (этнолингвистической группировки) какое-либо большое подразделение с собственным именем, хотя бы салоров.

Любопытно, что именно салоров — крупное этническое объединение туркмен — имел в виду Махмуд Кашгарский, когда пытался в одном термине «бой» совместить понятия «род, племя, народ»²⁰. Сообщая многочисленные сведения о тех же салорах, Абу-л-гази называет их то «уругом» (людьми одного родственного корня, т. е. *gens*), то «халком» (народом с определенным именем и этническим самосознанием, *populus*), то «илем» (тем же «народом», но, в частности, под углом зрения его политической концентрации под предводительством какого-либо знатного ильбаши, своего рода *civitas*)²¹. Иными словами, салоры, равно как и другие туркменские объединения XI—XIV вв. — кынык, кайы, языр и т. д., были реальными этническими общностями, по отношению к которым можно применить научный термин «большие племена» (по номенклатуре немецких историков, *Großstämme*).

Избрание этого рабочего термина требует пояснения. Родственные группировки, которые можно называть племенными этническими общностями, у тюрков и монголов существовали с глубокой древности. Но как широкие социально-политические организации с особым управлением отдельные племена и союзы племен развиваются скорее на закате общинно-родового строя. Образование таких союзов в период военной демократии означало не только сближение и смешение родственных организмов, но и — в социальном плане — возникновение особых отношений, специфической субординации в рамках племенных объединений.

Обычно случалось так, что наиболее сильный и знатный род, выдвигавший из своей среды опытных военачальников и вождей, приобретал первенство среди других родов и при благоприятных обстоятельствах возвышался над ними настолько, что становился родоначальником наследственной племенной власти и военно-политическим гегемоном. Структура военно-демократической (равноправной, союзнической) племенной организации сменялась военно-иерархическим порядком. У монголов дофеодального периода существовал институт *unagan bogol*, состоявший в том, что сильный владетельный род полностью подчинял своему влиянию некоторые соседние группы кочевников, независимо от того, были ли они *urux*'ами — сородичами или *jad*'ами — чужаками. В условиях длительных совместных перекочевок, перекрестных браков и общих военных дел эти группы сближались до такой степени, что фактически образовывали крупное объединение со стойкой структурой — «большое племя»²².

¹⁹ См. Сочинение Тацита «Germania» в сб. «Древние германцы», М., 1937, приложение.

²⁰ МИТТ, стр. 312.

²¹ А. Н. Кононов, Родословная туркмен, Сочинение Абу-л-гази хана хивинского, М.—Л., 1958, стр. 56, 68, 128. См. также В. И. Гордлевский, Государство Сельджукидов Малой Азии, М.—Л., 1941, стр. 46.

²² Б. Я. Владимиров, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 65.

«Сокровенное сказание» (1240 г.) описывает крупные объединения татар, меркитов, джаджиратов, найманов, керейтов²³, которые нельзя, конечно, назвать народностями. Их точное имя в монгольском языке — *улус*. О такого рода больших племенах, «пользующихся значением и известностью», сообщал Рашид-ад-Дин, указывая при этом, что «каждое из этих племен насчитывает до тридцати тысяч кибиток, число [людей] которых, считая и мужчин и женщин, доходит до ста тысяч человек»²⁴. Не менее многочисленными были «большие племена» тюрок домонгольского периода, только у них они получили особое наименование — *эль*, *иль* (вполне соответствующее *улусу*).

Так как объяснение термина *эль*, *иль* все еще остается дискуссионным вопросом, остановимся на нем несколько подробнее. Как известно, этот термин в форме выражения «вечный эль тюркского народа» впервые появляется в памятниках древнетюркской (орхонской) письменности VII—VIII вв. По смыслу описываемых здесь событий *эль* рисуется военно-политическим организмом, объединяющим под деспотическим руководством каганов из аристократического рода Ашина различные группировки «собственно тюрок» (*түрк будун* — «тюркский народ») и иные подвластные каганату племена. Значит, *эль* можно рассматривать в качестве первоначального племенного союза, основанного на военно-демократических началах, но также и в качестве более позднего прообраза государства, покоящегося уже на преобладании кочевой знати из ближайшего окружения кагана²⁵. Главной целью эксплуататорской политики Тюркского каганата было «присвоение людей», т. е. обращение в подданство населения на обширной территории. В таком плане *эль* рисуется и как совокупность людей, подданных, на которых распространяется владетельное право могущественных правителей.

Судя по более поздним и ясным монгольским материалам, сходную социальную эволюцию претерпел монгольский термин *улус*. По Б. Я. Владимирцову, «у древних монголов всякое объединение родов, поколений, племен, рассматриваемое с точки зрения зависимости от вождя, каана, нояна, тайши, баатура и т. д., называлось *ulus* — т. е. „народ — владение“, „народ — удел“... Ввиду этого слово *ulus* может быть переведено с известными оговорками, как „удел, владение“; только монголов, как истых кочевников, в понятии этом больше интересуют люди, а не территория: действительно, первоначальное значение слова *ulus* и есть именно „люди“. Поэтому слово *ulus* может быть передано и как „народ“, т. е. „народ — удел“, „народ, объединенный в таком-то уделе, или образующий удел-владение“. Впоследствии *ulus* означает уже „народ — государство“, „народ, образующий государство — владение“, „государство“»²⁶.

В свете этих заключений становится понятным специфический характер среднеазиатского огузского *иля*, довольно хорошо описанного Абу-л-гази, поставившего себе целью рассказать о том, что «мы знаем о туркменах и об илях, которые присоединились к туркменам и которые впоследствии носили имя туркмен». Абу-л-гази неоднократно отмечает, что огузский *иль* (который в предмонгольское время «обитал по обе стороны реки Сыр, близ ее устья») исторически сложился из родственных и «присоединившихся», т. е. неродственных, группировок кочевников (*иль улуслар*), что территориально огузский *иль* объединял как «родовые

²³ См. С. А. Козин, Сокровенное сказание, М.—Л., 1941.

²⁴ Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. 2, М.—Л., 1952, стр. 29.

²⁵ Подробно см.: Л. П. Лашук, Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников, «Сов. этнография», 1967, № 4, стр. 34—35.

²⁶ Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 97.

юрты» (*бајыры јурт*), так и завоеванные (*олджа јурт*). Однако далеко не всегда этот иль выступал в роли сплоченного политического целого; напротив, огузский иль часто потрясали внутренние неурядицы и межплеменная вражда, а с приходом монгольских завоевателей он вообще был расколот на несколько частей, расселившихся в разные места. Но и в сравнительно мирное время огузский иль подразделялся на вполне самостоятельные или меньшего размера: «Каждый большой иль имел своего особого государя; малые или присоединялись к ним». Объединенное военно-политическое руководство над огузским илем доставалось обычно наиболее значительному «малому» илю, в котором опять-таки господствовал какой-либо род — уруг: «...из того уруга, который разрастался, поднимали государей»²⁷.

Таким образом, огузский иль, будучи объединением очень непрочным и неоднородным по своему этническому составу, практически распадался на целый ряд (до 24) самостоятельных единиц — назовем каждую из них «улусом» (по Абу-л-гази, *уруг, халк*, «малый» иль). По нашему убеждению, они были не столько локальными подразделениями единой туркменской народности, сколько вполне самостоятельными этническими общностями со своими собственными именами, диалектами, этническим самосознанием. Во времена Сельджукидов салоры, например, могли сказать: «Мы из салорского народа огузова иля» (Биз огуз или салор халкындын турурмыз)²⁸. Не менее примечателен и такой текст: «В огузском иле [все] стали друг с другом кровно браться. ...И вот много илей... ушло в Мангышлак. Среди них были [люди] из всех илей, однако больше всего было из [илей] Имир, Дукер, Игдир, Чавулдур, Каркын, Салор и Агар... Несколько илей, Оклы, Кокли, Агар и Султанлы ушли в Балханские горы»²⁹.

Конечно, в процессе отмеченных перетасовок туркменского населения происходил разрыв традиционных родственных связей и складывались смешанные, территориальные оседлые и кочевые группы, но это было лишь начало того процесса, который, на наш взгляд, ведет к формированию народности (при благоприятных конкретно-исторических обстоятельствах). Достаточно определенно сложный ход развития этнической основы туркменского народа отразился в диалектной системе туркменского языка. В значительной мере и по названию и по существу туркменские диалекты — йомудский, текинский, гокленский, салорский, эрсаринский и т. д. — совпадают со средневековыми «племенными» («улусными») группировками (в том числе историческими огузскими). Что же касается насыщения диалектной системы туркменского языка говорами, развившимися на территориальной основе, то это относится к сравнительно позднему времени³⁰.

Определяя исторический тип этнической общности тюрков и монголов (пожалуй, условно ее можно назвать «улусной» общностью), которая в обстановке раннефеодального общества шла на смену былому племенному размежеванию, надо учитывать два важных момента: во-первых, такая общность складывалась при наличии как издавна существующих группировок населения одного родственного корня и самосознания, так и вновь образующихся смешанных территориальных объединений; во-вторых, в зависимости от конкретной исторической обстановки в том или ином кочевническом «юрте» указанный процесс мог принимать свои особые формы.

²⁷ А. Н. Кононов, Указ. раб., стр. 37—66.

²⁸ Там же, стр. 128.

²⁹ Там же, стр. 68.

³⁰ Н. А. Баскаков, Указ. раб., стр. 5.

Возьмем, к примеру, формирование улусных общностей в среде монгоязычного населения — среди восточных собственно монголов и западных ойратов. Приступив к насильственному сколачиванию своей кочевнической державы — *Monggol ulus*, Чингиз-хан преднамеренно разрушал традиционную родо-племенную группировку враждебных ему сил, рассеивая их частями по другим инородным объединениям³¹. Продолжением той же политики было распределение властью каана восточно-монгольского населения по «тысячам» — военно-административным (удельным) единицам. Правда, Чингиз-хан очень часто образовательно «тысячи» (*minggan*) из представителей одного племени — аристократического рода с подвластными ему *unagan bogol* — ами³². Но в состав многих «тысяч», а тем более крупных уделов — «улусов» («тюменей»), раздаваемых кааном своей феодальной знати, нередко включались различные роды, племена и их разрозненные части. Например, удел Одчигина состоял из пяти «тысяч», причем ему выделили «тысячу из племени Килинггут-Уряут, тысячу из племени Исут, остальных из каждого племени, а некоторых из племени Джаджират». Три «тысячи», составившие удел Алчидая, племянника Чингиза, были собраны так: «Некоторые были из племени Найман, а некоторые собраны из других племен»³³.

Военно-феодальный надзор за этими подданными был строгим, им запрещалось откочевывать за пределы улусного юрта; и вполне естественно, что по прошествии какого-то времени, завязав новые соседские и семейно-брачные связи с прежними чужаками, улусные люди (*ulus irgen*) сближались между собой настолько, что рассматривали себя вкуче, если не прямыми родственниками и свойственниками, то членами одной социально-этнической общности. Представление же о «великом улусе» (*yeke ulus*) — основной массе монгольских племен вместе с занимаемой ими территорией — было скорее официальным государственно-политическим, нежели собственно этническим понятием.

Чингизова «тысячная» организация в гораздо меньшей степени затронула западных ойратов, о которых Рашид-ад-Дин писал: «Несмотря на то, что их язык монгольский, он [все же] имеет небольшую разницу от языка других монгольских племен»³⁴. Во многих источниках они известны под именем *дэrbэн-ойрат* — «четыре (группы) ойратов». Исследователи продолжают спорить о том, что означает такое название — четыре «поколения» одного народа, союз четырех племенных групп или, наконец, четыре феодальных владения с собственными ханами, а также о том, когда оно возникло — в XIII, XIV, середине XV в.?³⁵ Наибольший интерес представляет мнение Д. Банзарова о связи названия *дэrbэн-ойрат* с реальным делением ойратов со времен Чингиз-хана на четыре «тумена» («тумы»). «Поэтому-то, — писал он, — монголы вместо *Дурбэн-ойрат* говорят еще *Дурбан*, *Дурбэн тумен* и *Дурбэн тумен ойрат*»³⁶. К этому не мешало бы добавить, что в данном случае, возможно, имело место не формальное военно-административное расчленение единой народности, а примерное соответствие новых единиц — туменов этническо-

³¹ Например, «Меркитов, по повелению Чингиз-хана, частью истребили, а частью роздали в добычу ратникам. Но тут попытались восстать и бежать из Ауруутов также и те Меркиты, которые ранее добровольно покорились... Тогда Чингиз-хан приказал пораздавать всех этих Меркитов до единого в разные стороны» (С. А. Козин, Сокровенное сказание, стр. 152).

³² Примечательно, что у башкир «племя» называлось *минг* — 'тысяча' (А. Н. Кононов, Указ. раб., стр. 94).

³³ Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 110.

³⁴ Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. I, стр. 118.

³⁵ См. И. Я. Златкин, История Джунгарского ханства, М., 1964, стр. 30—35.

³⁶ Д. Банзаров, Об ойратах и уйгурах, т. I, Казань, 1849, стр. 25.

му размежеванию ойратов на «большие племена» (ирген, улус), наделенные собственными именами — чорос, хошоут, торгоут, дэрбет (или хойт).

Эти явно этнические имена сохранились и тогда, когда (в XV—XVII вв.) порядок деления ойратов на тюмены и тысячи был постепенно забыт и в литературе по отношению к хошоутам, дэрбэтам, хойтам и т. д. стали прилагаться прежние понятия — *онок* («род», «сородичи»), но чаще *улус* («народ») ³⁷. Данное обстоятельство можно истолковать в том смысле, что в пределах ойратской этнолингвистической группировки (а не народности как социально-этнического организма) реально существовало несколько четко очерченных улусных объединений. Последние, в свою очередь, подразделялись на *оток*'и — территориальные союзы кочевников, которые не обязательно все могли быть сородичами ³⁸.

Улусная система, введенная монгольскими завоевателями, оставила, как известно, значительный след в истории средневекового населения Евразии. Государственное назначение того или иного улуса, имевшее целью прежде всего наделение кочевой аристократии подданными (войнами — слугами и данниками) и пастбищными угодьями, отнюдь не всегда производилось с учетом действительного размежевания подвластного населения по однородным этническим группам. Но на практике, видимо, были нередкими и такие случаи. В частности, В. В. Бартольд уверенно заявлял, что в Средней Азии во времена Тимура «для обозначения больших племенных групп одинаково употребляются термины *иль* и *улус*, в том же значении встречается и слов *тюмень*» ³⁹. Красноречиво и такое письменное свидетельство XVIII в.: «Каракалпаки обеих орд разделяются на многие колена или улусы» ⁴⁰.

Как бы то ни было, массовая перетасовка степного населения между большими и малыми улусами — феодальными уделами — привела к разрушению или сильной трансформации прежних этнических объединений — «больших племен» (элей, илей, улусов в первоначальном их значении). Здесь следует прямо процитировать очень правильный вывод Г. А. Федорова-Давыдова: «Процесс смешения кочевников Дешт-и-Кыпчака и сложения новых кочевых образований, начавшийся в XIII в., получил свое завершение в XV в. И, действительно, в XV в. нет половцев-кыпчаков в старом смысле. В Большой Орде кочуют «татары», в астраханских степях население также называется «татарами», в восточной части Золотой Орды известны казахи, узбеки и мангыты-ногайцы. Перед нами новые объединения кочевников, прошедших улусную систему Золотой Орды. И естественно, что наряду с родовым единством этих групп большую роль играет в их объединении вхождение в один «иль», «улус», т. е. в одну социально-экономическую ячейку общества, подчинение одному хану» ⁴¹.

Без раскрытия сложных социально-этнических судеб средневековых тюрко-монгольских кочевников — их своеобразной «переплавки» в горниле улусной системы — мы мало что поймем в особенностях заложения этнической основы позднейших среднеазиатских народностей как формирующихся целостных социально-этнических организмов. В подкрепление этой мысли можно сослаться на примеры этнической истории узбек-

³⁷ И. Я. Златкин, Указ. раб., стр. 71 и сл.

³⁸ Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 133 и сл.

³⁹ В. В. Бартольд, Соч., т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 34, 50.

⁴⁰ И. Г. Георги, Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II, СПб., 1799, стр. 92.

⁴¹ Г. А. Федоров-Давыдов, Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов, М., 1966, стр. 248.

ского и казахского народов, важнейшие процессы которой получили свое завершение в эпоху позднего средневековья и нового времени.

Нашими специалистами убедительно доказано, что в целом узбекский народ отнюдь не является прямым и единственным преемником кочевников «узбеков», завоевавших в начале XVI в. Среднюю Азию; напротив, современные узбеки в большинстве — это потомки древнего аборигенного населения, прошедшего сложный и длительный процесс этногенеза, впитавшего в себя разнобразные этнолингвистические (тюрко- и ираноязычные) и хозяйственно-культурные (оседло-земледельческие и кочевнические) группы⁴².

Процесс этнического смешения и относительной консолидации узбеков растянулся на целый ряд столетий — с XVI по XIX вв. Отчетливым выражением этого сложного пути формирования узбекского народа служит диалектная система его языка, исторически расчленяющегося на три основных наречия, из которых каждое перекликается с соседними близкородственными языками. Так, по большинству своих признаков «кыпчакское» наречие узбекского языка объединяется с языками каракалпакским и казахским, тогда как «огузское» наречие сближается с туркменским языком, а «карлукское» (среднеузбекское) наречие — с современным уйгурским языком⁴³.

Своеобразными чертами отмечено формирование казахского народа. Исследователи давно столкнулись с противоречивыми, на первый взгляд, обстоятельствами: с одной стороны, многочисленные казахи, расселенные на огромной, но компактной территории, и в прошлом отличались значительной антропологической, языковой и хозяйственно-культурной однородностью, однако, с другой стороны, по стойким генеалогическим («родо-племенным») представлениям казахи были очень дробны и исторически явно сложились из разнородных этнических компонентов. Современных лингвистов не очень смущает слабая диалектная расчлененность казахского языка: по мнению Н. Сауранбаева, «смещение и слияние различных племен и родов, сложение их в единую народность, а также дальнейшее развитие этой народности в условиях весьма подвижного скотоводческого хозяйства не могли не привести к растворению, ассимиляции прежних родо-племенных диалектов»⁴⁴. Но историки, естественно, интересуют не только конечные результаты, но и само начало и течение данного процесса.

По этому вопросу существует два резко различных мнения. Сторонники первого — Ч. Валиханов, А. Харузин и др. — рассматривали казахскую народность в качестве очень позднего продукта истории; по их убеждению, началом образования этнической общности казахов послужило отделение от Золотой Орды и откочевание на восток, до оз. Балхаш, некоторой части подданных узбекского хана Абульхайра (1456 г.). Здесь, в восточноказахстанских степях, к концу XV в. сложился крупный военно-политический союз казахов, который впоследствии, примерно в конце XVI в., разделился на три феодальных владения — Старший, Средний и Младший жузы, постепенно охвативших своими кочевьями огромную территорию современного Казахстана.

По другой версии, которую, например, излагает С. А. Токарев, момент образования казахского союза — середина XV в. — был завершающим моментом в процессе этногенеза казахов, процесс же этот начался значительно раньше, еще до начала монгольских завоеваний. Ссылаясь

⁴² «Народы Средней Азии и Казахстана», полутом I, М., 1962, стр. 167 и сл.

⁴³ В. В. Решетов, Узбекский язык, ч. I, Ташкент, 1959, стр. 73—74.

⁴⁴ Н. Сауранбаев, Диалекты в современном казахском языке, «Вопросы языкознания», 1955. № 5, стр. 44.

на этнически разнородные названия казахских «поколений» и «родов», С. А. Токарев резюмирует: «В состав казахской народности влились разноплеменные и разноязычные группы. Наиболее поздние из них — это монгольские группы, пришедшие вместе с Чингиз-ханом, — Джалаир, Хонкират. Вероятно, именно к XIII в. мы должны отнести последние крупные передвижения в казахстанскую степь с востока. Тюркоязычные же группы могут считаться потомками более древних насельников приаральских степей. Самый процесс их взаимной ассимиляции и поглощения монгольских элементов относится к более раннему времени, чем XV в. Несомненно, что к этому времени Джалаиры, Кунграты, Найманы и др. были уже чисто тюркскими группами. Момент образования Казахской Орды был политическим оформлением уже ранее сложившегося этнического целого»⁴⁵.

Все это, конечно, так, когда речь идет о длительном формировании этнолингвистической основы казахского народа. Динамика этого процесса состояла в том, что в условиях подвижного кочевнического быта, частого возникновения различных военно-политических и феодальных объединений — улусов и не менее часто их дробления и распределения кочевых общин по новым союзам и улусам, население казахстанской степи сильно перемешивалось и, естественно, приобретало сходные этнографические черты. Но служит ли это доказательством возникновения уже в XV в. казахской народности в качестве более или менее консолидированного социально-этнического организма? Ответ может быть положительным только в том случае, если будет доказано наличие органических связей (этнических, хозяйственных, политических), охватывающих тогда (в XV в.) и позднее дробные группы кочевников казахской языковой общности.

Известные нам источники, например в изобилии приводимые С. Е. Толыбековым, свидетельствуют об отсутствии или неразвитости в течение длительного времени связей такого порядка⁴⁶. Как известно, до присоединения Казахстана к России казахи никогда не были народом, объединенным в составе одного долговечного государства, и фактически, распределяясь по отдельным «поколениям» и «родам», отрицали узы сколько-нибудь широкой территориально-политической общности. Каждый из трех казахских жузов жил своей обособленной жизнью, нимало не заботясь о союзе или социально-экономическом сближении с другими жузами⁴⁷.

Если откататься от существующего в литературе исторически и логически расплывчатого понятия «народность» и (не придумывая нового названия) понимать под этой категорией устойчивый и территориально четко очерченный социально-этнический организм достаточно развитого феодального общества, то следует с осторожностью отнестись к такому ответственному выводу, предложенному совсем недавно нашими этнографами: «К XV—XVI вв. в итоге длительного исторического процесса, в условиях развитого феодализма, уже окончательно сформировались все основные народности Средней Азии и Казахстана»⁴⁸. Может быть, правильнее было бы сказать, что не столько в этнолингвистическом, сколько в социально-политическом оформлении этот процесс в указанные века только начинался?

⁴⁵ С. А. Токарев, *Этнография народов СССР*, М., 1958, стр. 373.

⁴⁶ См. С. Е. Толыбеков, *Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX веках*, Алма-Ата, 1959.

⁴⁷ М. А. Терентьев, *Сыр-Дарьинская линия в 1862, 1863 и 1864 годах*, «Записки РГО, по отделению статистики», т. IV, СПб., 1874.

⁴⁸ «Народы Средней Азии и Казахстана», полутом I, стр. 91.

Не предваряя окончательного ответа по конкретным аспектам данной проблемы, требующей новых углубленных исследований, сформулируем свой заключительный тезис так: в ходе исторического развития от общинно-родового строя к зрелому классовому (феодалному) обществу тюрки и монголы переживали социально-этнический процесс перехода от племенной к территориально-племенной («улусной») общности; оформление крупных государственно-политических организмов, включавших в свою систему родственные по языку улусные объединения, создавало ту необходимую базу, на которой в процессе дальнейшего развития складывались более широкие и устойчивые этнические общности — «народности».

SUMMARY

The article concerns some aspects of the discussion at present taking place among Soviet researchers on the definition of the specific concept of «ethnic community», and its historic types (models). Among these of concept of «nationality» («narodnost») is distinguished. The author offers his own interpretation on the types of ethnic community which may be supposed to have existed among groups of animal breeders in the period of their passing from the clan community system to a feudal class society. He bases his conclusions mainly upon medieval sources on Turkic and Mongol peoples of the Asiatic part of the USSR. The author is of the opinion that in the period under consideration the Turkic and Mongol peoples were evolving from the ancient tribal community to a wider socially different territorial-tribal («ulus») ethnic community.

The subsequent transition to «nationalities» as a form of ethnic community was connected with the formation of large political organisms (states).
